

ЖИВОЕ СЕРДЦЕ  
РОССИИ

«Теперь я ваш; Москва моя родина», — писал Гоголь С. Т. Аксакову. И в этом пылом утверждении содержалась большая доля истины.

Еще живя в Петербурге в первой половине 30-х годов, Гоголь проявляет живой интерес к «тесному кружку» московских литераторов — С. Шевыреву, братьям Ивану и Петру Киреевским, С. Аксакову и его сыновьям Константину и Ивану. С ними его познакомил историк М. Погодин во время первого приезда Гоголя в Москву в 1832 году. И в доме Аксаковых и у известного писателя и драматурга М. Загоскина молодой автор тоненького сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» был встречен восторженно...

Со второй половины 30-х годов Москва становится для Гоголя домом, куда он неизменно возвращается из многочисленных странствий по чужбине. Здесь живет он в 1839 — 1840, 1841 — 1842 годах, работая над «Мертвыми душами» и хлопоча об их издании. Здесь читает законченные главы поэмы.

Три первые главы были прочитаны 23 декабря 1839 года у Аксаковых. Шестую главу Гоголь читал 17 апреля 1840 года перед отъездом в Рим. Чтение закончилось под утро. С. Аксаков вспоминал: «После чтения мы все отправились в Кремль, чтоб услышать на площади первый удар колокола Ивана Великого». В 1842 году поэма была отпечатана в типографии Московского университета.

Потом началась долгая разлука с Москвой, с Россией. Но последние годы жизни (1849 — 1852) Гоголь провел в основном в Москве. Здесь в доме купца Талызина на Никитском (теперь Суворовском) бульваре он умер 21 февраля 1852 года.

Москва нравилась Гоголю. Здесь дышалось привольно. Приезжая, Гоголь обычно останавливался у Погодина в его доме на Девичьем поле.

Не сохранившийся до нашего времени дом был окружен огромным парком. Весной в нем пели соловьи. В Николин день — 9 мая по старому стилю — в липовой аллее накрывали столы — приглашенные Гоголем москвичи съезжались на его именины. В 1840 году среди приехавших были Е. Баратынский, П. Вяземский, М. Лермонтов, П. Чаадаев, М. Щепкин, М. Орлов. «После обеда, — свидетельствует мемуарист, — все разбрелись по саду, маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри»...».

-5 APR 1984

ВЕЧЕРНИЙ МОСКВА  
Г. Москва

Непритязательная зарисовка, тем драгоценнее она для нас. Она с особой остротой заставляет почувствовать высочайшую насыщенность духовной жизни Москвы тех лет. Лермонтов, читающий недавно написанную поэму Гоголю, — классическая сцена, будто специально подготовленная для того, чтобы быть увековеченной на полотне, в мраморе...

В начале XIX века Петербург называли «северными Афинами». Со второй половины 30-х годов на эту роль по праву претендует Москва. «Боже мой! сколько умов, и все оригинальных: ты, Шевырев, Киреевский, Баратынский, Языков», — писал Гоголь Погодину.

Московские филологи становятся инициаторами собрания и издания народных песен. Фольклорные сборники, высоко ценимые Гоголем, постоянно упоминающиеся в его переписке, выходят по преимуществу в Москве.

«...Приезжайте к нам в Москву, которую, верно, вы постоянно видите и чувствуете, где бы вы ни были, она живое сердце нашей великой России», — обращался к Гоголю Константин Аксаков.

Гоголь тонко чувствовал душу города. Он был едва ли не первым русским городским писателем. Петербург, провинциальные городки описаны Гоголем так мастерски, так живо, что они стали не только местом действия его произведений, но и полноправными героями их, участниками описываемых событий. Своего рода поэму в прозе посвятил писатель особенно любимому им «вечному городу» — Риму.

А о Москве, о постоянно занимавшей его мысли Москве, терпеливо ожидавшей его возвращения из странствий, восторженно встречавшей и гостеприимно предоставлявшей кров, он не написал. И это, на мой взгляд, лишь подчеркивает ее значение для Гоголя. Писатель не мог отделить ее от себя, сделать объектом изображения. Москва была для него чем-то куда более сокровенным, значительным. Для скитальца она действительно стала родным домом.